

Михаил Позняк

Регрессивный гипноз

Михаил Позняк

Регрессивный гипноз

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Позняк М. В.

Регрессивный гипноз / М. В. Позняк — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Лето 1976-го года. Простой московский инженер видит причины своих неудач в событиях детства, о котором он не помнит абсолютно ничего. Он найдет ключ к воспоминаниям, и это полностью изменит жизнь его самого и окружающих его людей. В это же время оперативник спецслужбы Виталий пытается освоиться в параллельном мире, куда он случайно попал, и где происходят события, влияющие на судьбы обоих миров. Другая Москва, она совсем рядом, стоит только пару раз свернуть не в ту сторону...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог

1

Поношенный пиджак, мятые брюки, не знавшая галстука рубашка. Потертая кепка – шестиклинка и невразумительные ботинки завершали образ. Таких людей сколько угодно на улицах городов, увидел – и тут же забыл. Именно это ему и было нужно – не выделяться из толпы. Странник шел по нечетной стороне улицы Володарского, удаляясь от Таганской площади. Позади остались церковь, дом с красивым вензелем на фронтоне и глухой забор перед диспансером. Слева все тянулся и тянулся желтый, с бурым цоколем и аркой в середине, «генеральский дом». Наконец, он закончился высокой квадратной башней, в глубине двора мелькнула вывеска «Дегустационный Зал». Странник же, свернул направо в узкий проход между домами и вышел на Верхнюю Радищевскую улицу напротив симпатичного домика с «Булочной». Там он снова свернул направо и дошел до скверика с памятником Радищеву. Оглядевшись, он перешел улицу и зашагал по ней вниз. Улица плавно повернула направо и устремилась к Астаховскому мосту через Язу, за которым возвышалась над старинными домиками колокольня храма Живоначальной Троицы в Серебряниках. Странник остановился и посмотрел назад, в сторону Таганской площади. Изгиб улицы, короткий проезд к Володарке. Башня «генеральского дома», над которой в сумрачном небе плывут облака. «Совсем, как в тот день» – привычно подумал Странник. Он прошел еще немного вниз, свернул в Тетеринский переулок, где дошел до покосившихся строений рынка, от которого остался один лишь пункт приема стеклотары. Там он повернул к Тетеринским баням, но миновав их, стал подниматься обратно в гору, мимо старых домов, покосившихся заборов и куч многолетнего мусора. Слегка покружившись в лабиринте двориков, он вышел к нужной точке, где закрыл глаза и сделал решительный шаг вперед. На миг появилось знакомое чувство, будто его подхватил ветер, пронес и снова осторожно опустил на землю. Странник открыл глаза и огляделся. Домики вокруг слегка изменили цвет, но пейзаж оставался прежним. Наворачивать петли уже было не нужно, поэтому он сразу вышел на Яузскую улицу, где снова остановился, глядя вверх. Ему нравилось смотреть с этой точки на террасы уступами уходящего в небо серого «генеральского дома», где уже всю зеленели кусты, посаженные в деревянные ящики заботливыми жильцами. Мимо прогрохотал трамвай. Странник поправил свисающую с плеча холщовую сумку и пошел в сторону Гончарной площади.

2

Что это за ерунда? В полной растерянности, Виталий разглядывал грязноватую улицу промышленного района. Взгляд метался между заборами, воротами каких-то складов, закопченными стеклами цехов, не находя ни одного знакомого ориентира. Название «Складской 8-й пр-д», хоть и написанное по-русски, тоже не говорило ни о чем. Захлопнув отвисшую челюсть, Виталий спустился обратно в подвал, где обнаружил свою кепку, валяющуюся в пыли у кирпичной стены. Подвал был невелик и никакими другими выходами не располагал. Не веря своим глазам, он зажмурился и пошел вдоль стены, ощупывая ее пальцами, но вскоре оказался в углу. Остальные стены оказались такими же пыльными, кирпичными и никаких тайн в себе не таящими. Обратного пути не было. Горестно ругнувшись, Виталий отряхнул кепку, надел ее на голову. Затем он спрятал пистолет и бумажник с документами за ржавой трубой и вышел из подвала.

На улице было уже темно, только кое-где тускло светили лампочки из-под поржавевших жестяных колпаков, ничего толком не освещая. Вдалеке высилась громада какого-то промышленного здания, к которой Виталий и отправился, взяв за ориентир. Через какие-то пять минут,

он вышел на перпендикулярную улицу, более широкую и светлую. Всю ее противоположную сторону занимало огромное строение готических форм, почему-то показавшееся ему знакомым.

«Если бы я был в Москве, то здесь бы находился Электростанция, – подумал Виталий, – А налево я бы вышел к платформе Электростанционной и к метро рядом с ней». Почесав в затылке и ничего не придумав, он направился к предполагаемому метро. Вскоре здание завершилось огромной проходной, над которой гордо висела надпись: «Московское товарищество электростанций – Промышленное предприятие «Проводник». Виталий остановился, перечитывая название снова и снова. Московское? Значит, это все-таки – Москва? Он оказался в какой-то другой Москве какого-то другого мира? Виталий потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения. Он прекрасно знал о приключениях Сереги Волкова и его дружка Эдика и относился к этому даже с некоторой завистью. Но одно дело – Серега, с его звериным альтер эго, или Эдик, от которого в полнолуние девки шарахаются. Ну, или даже его напарник Юрка, с его непонятными глюками. Для них все эти параллельные миры – плюнуть и растереть. Но он, простой парень из рабочей семьи, бывший милиционер – идет по улице, которой и быть-то не должно! Как ее, Лаврентьевская? Чуть какая-то! А вот еще – мостик, речка... Хапиловка? Она же давно в трубе течь должна!

Со всеми этими размышлениями, он вышел на небольшую площадь на берегу Яузы, если река тут называлась так же. Здесь, на открытом пространстве, было еще довольно светло. На западе, куда уходил мост через реку, догорал закат. Чуть ниже по течению, высился двойной мост – железной дороги и метро, выныривавшего из-под земли за рекой. Сдвоенной оказалась и станция – помимо пригородных поездов, к ней подъезжали, шипя пневматикой, бело-голубые составы подземки. Через мост проезжали трамваи, проносились незнакомого вида автомобили. И люди, самые обычные люди. В костюмах и шляпах, или в куртках и кепках как Виталий.

Возле слияния Хапиловки с Яузой, у самой набережной, стоял симпатичный бело-зеленый ресторанчик, украшенный вазонами с какими-то вьющимися растениями. Под изящными абажурами горели лампочки, за покрытыми белоснежными скатертями столиками сидели нарядно одетые люди, сновали расторопные официанты. Виталий внезапно вспомнил, что в сегодняшней суете он не успел даже пообедать, и у него засосало под ложечкой. Он уже сделал шаг к вождленным столикам, когда в голову пришла очевидная мысль: деньги! У него нет местных денег, и он даже не представляет, как они называются! Что же делать? Виталий посмотрел на часы. Вполне приличные, «Командирские», наверно их можно продать. Если время в этом мире меряют так же, как у него, конечно – иначе он запалится сходу и по полной программе! Виталий заозирался в поисках циферблата вокруг себя, но ничего похожего не обнаружил. Мимо проезжали машины, на станции периодически останавливались и уезжали поезда метро. На другой стороне дороги остановился грузовик, похожий на ГАЗ – 51, и рабочие начали вытаскивать из него ящики, пока шофер курил возле кабины. Жрать хотелось все больше и больше.

Рядом скрипнули тормоза, и из остановившейся машины, напоминавшей 407-й Москвич, вылезли два молодых парня в костюмах и шляпах. Против ожидания, они не направились к ресторану, а остались на тротуаре, цепко оглядывая окрестности.

– Что ты тут делаешь, приятель? – окликнул Виталия парень, оказавшийся ближе к нему.
– Жрать хочу! – честно ответил ему Виталий, слглатывая слюну.

Парни изумленно переглянулись и расхохотались.

– Ну, ты и сказал! Да тут даже нам не по карману! – произнес, отсмеявшись, парень, – Шел бы ты вон, в ту сторону – там неплохая столовка есть, дешево – и не отравят!

– Для меня сейчас везде недешево, – признался Виталий, – Денег нет совсем.

– М-да? Дай угадаю... – парень внимательно оглядел Виталия еще раз, – Ты приехал в город работу искать, но не нашел, зато поиздержался? А чего на электростанцию не устроился? Там любых берут.

– Так это, документы... – развел руками Виталий.

– Тебя обокрали, что ли? Вот ты, тридцать три несчастья! – парни опять расхохотались, – Как тебя зовут-то бедолага?

– Виталий!

– Как? Виталий? Ты чего – из староверов, что ли?

– Почему ты так решил? – оторопел Виталий.

– Да ладно тебе, кого это тут волнует! А имечко у тебя знатное, это да! Наверно только в ваших деревнях такие имена остались – Андрей, Сергей, Виталий опять же...

– А тебя как зовут?

– Я – Пимен, а он – Никифор, – второй парень кивнул головой в знак знакомства, – Ну, расскажи, чем ты в своей агрокоммуне занимался?

Вот это вопрос! Родившийся в Москве, Виталий разбирался в деревенских реалиях крайне слабо. Собственно, весь объем знаний был им почерпнут во время недолгого летнего посещения бабушки в Орехово-Зуевском районе Подмосковья.

– Ну, это, тракторист я! – ответил он, наконец.

– Тракторист? – не понял Пимен, – Грузовоз водил, что ли? Их же траками никто уже лет пятьдесят не называет, наверно.

– Слышь, Пима, а ведь нам на грузовоз водила нужен, – задумчиво произнес Никифор.

– О, точно! – засиял Пимен, – Свезло тебе, деревенский! Пойдешь к нам грузовоз водить?

– А что, пойду! – обрадовался Виталий. Вопрос с «пожрать» и «переночевать» начал решаться!

– Держи пятифон в качестве аванса, потом отдашь, как заработаешь! – протянул ему разноцветную бумажку Пимен, – А завтра приедешь по адресу...

– Хозяин едет! – одернул его Никифор.

– Все, иди жрать, подойдешь через полчаса! – Пимен развернул Виталия в нужном направлении и даже подтолкнул в спину.

Виталий послушно шагнул прочь, видя как к ресторану подъезжает сверкающая черным лаком машина, похожая на уменьшившийся в размерах «ЗИМ». Подбежавший Пимен распахнул дверь, из которой вальяжно вышел пожилой мужчина с массивной тростью в руке. Мужчина о чем-то спросил, бросив взгляд в сторону Виталия, Пимен ответил, после чего мужчина, уже не оборачиваясь, зашагал к ресторану.

Сжимая в кармане вождеденную пятерку, Виталий направился было в сторону столовой, когда инстинкт, уловив замеченный краем глаза беспорядок, заставил его броситься обратно под защиту вазона. Грузчики уже не таскали ящики, а бежали через дорогу, целясь на ходу из пистолетов-пулеметов. А его новые знакомые идут вслед за хозяином и не видят нападения!

– Пимен, берегись! Это засада! – что есть сил, закричал Виталий.

Пимен и Никифор резко обернулись, но нападавшие уже начали стрелять на ходу. Выхвативший большой черный пистолет Никифор успел выстрелить всего один раз, после чего получил сразу три пули в грудь и завалился через живую изгородь к веранде ресторана. Посыпалось стекло, раздался испуганный женский визг. Пимен, что есть сил, толкнул хозяина под защиту вазона, но видимо недостаточно быстро, потому что оба упали и не шевелились.

– Добивай левых, а я – правых, – услышал Виталий голос одного из нападавших.

Эта фраза ему решительно не понравилась потому, что его явно приняли за одного из людей хозяина. Пистолет! Пистолет Никифора лежит буквально в двух метрах от него на земле! Оттолкнувшись от вазона, Виталий перекатился через плечо, хватая пистолет, выстрелил с

колена в левого тремя патронами, перекатился еще раз и выстрелил трижды во второго. Пистолет встал на задержку, зато оба противника лежали на асфальте, и из-под них текла кровь.

– Что, не ожидали, уроды? – пробормотал Виталий, осторожно выглядывая из-за вазона.

Тук! – Ввиу! – отбив край вазона, пуля улетела куда-то вверх. Там еще один! Вот он, шофер того самого грузовика, стреляет в него из карабина! Вот черт, тут так близко, что хватило бы и пистолета! Виталий затравленно оглянулся. Пимен лежит за вазоном, прикрывая телом хозяина, и оба как минимум – ранены. Никифор убит, и есть ли у него запасной магазин – теперь не узнаешь. Оба нападавших лежат далеко, если только каким-то крюком пистолет-пулемет подцепить и вытащить к себе? А, есть трость хозяина! Распластавшись, буквально вжавшись в асфальт, Виталий начал продвигать трость к ремню лежащего на асфальте оружия. Шофер выстрелил снова, пытаясь попасть в руку Виталия. Еще чуток. Сейчас он поймет, что мне в него нечем стрелять и просто подойдет поближе... Словно услышав его мысли, шофер побежал в его сторону, продолжая целиться из карабина. «Не успеваю!» – в панике подумал Виталий. Сбоку грохнул выстрел, и голова шофера разлетелась кровавым облачком. Виталий увидел, как на миг приподнявшийся Пимен снова оседает на землю, выронив пистолет. Их было трое, или еще кто-то есть? Виталий быстро осмотрелся, но никого не обнаружил – даже посетители ресторана где-то попрятались. Наскоро прощупал пульс Никифора – нет, он мертв. Теперь Пимен – он жив, но истекает кровью. Хозяин тоже словил пулю и лежит без сознания. Был же еще водитель – Виталий обежал «ЗИМ», но тот лежал у распахнутой двери с простреленной головой. Ну, и что дальше? Вызывать скорую и милицию, или как она здесь называется?

– Эй, деревенский! – это простонал, приоткрыв глаза, Пимен, – Уходить надо!

Уходить – так уходить. Виталий обежал машины кругом – «Москвич» осел на простреленных шинах, но «ЗИМ» смотрелся вполне целым, не считая разбитых окон. Выпихнув убитого водителя на асфальт окончательно, он влез за руль. Хм, похоже на «Победу». Ключ, носком правого ботинка прожать кнопку стартера, пяткой – газ, завелась! Пыхтя от натуги, он затащил на заднее сиденье с трудом шевелившегося Пимена и бесчувственного хозяина.

– Аптечка! В багажнике! Кинь сюда – и гони, деревенский, гони! – просипел Пимен.

Чемоданчик с большим красным крестом нашелся в пустом багажнике сразу – Пимен принялся за раны, а Виталий запрыгнул на место водителя. Сцепление, передача кочергой на руле – как у наших, на себя и вниз? Угадал – машина рванула с места.

– Разворачивайся! – крикнул сзади Пимен.

Сильно накренившись, машина развернулась и устремилась прочь от реки. Мотор оказался мощным и тяговитым, но держаться на широком переднем диване было не за что, только за руль. Мелькнула надпись «Симеоновская площадь», улица нырнула под эстакаду метро.

– Направо!

Раньше сказать не мог? Контрсмещение, газ! Машина пошла боком, вписываясь в узкий проулок. По бокам мелькнули дома, улица повернула направо вдоль путей железной дороги, где Виталий еле разминулся от лобового столкновения с грузовиком.

– Направо, на путепровод!

Машина взлетела вверх к мосту, Виталий нажал на сигнал, и резко вписался в поток машин. Со всех сторон ему гудели, но он гнал, обходя машины то слева, то справа. Трамвайные пути, шедшие посередине улицы, ушли на левую обочину, и ехать стало легче. Справа потянулись корпуса военного госпиталя.

– На площади – налево, потом опять направо!

Перепрыгнув трамвайные пути, машина резким заносом развернулась, пронеслась мимо белой церковной ограды и правым поворотом ушла в сторону казарм.

– Кажется, никого за нами нет, – произнес Пимен, напряженно смотревший до этого в заднее стекло. – Давай правее, затем налево на Волочаевскую и до конца. И можешь уже не гнать, сейчас пойдут наши края!

И верно, уже через десять минут машина поворачивала в ворота на Школьной улице, над которыми висела вывеска «Рогожская транспортная артель».

Глава 1

1

Черная «Волга» полковника Блинова проехала по улице Кирова, обогнула памятник Дзержинскому, стоящий в середине одноименной площади и покатила вниз, между деревьев Новой и Старой площади. Встреча предстояла обязательная и, судя по всему, достаточно неприятная. По окрестным тротуарам шел куда-то по своим делам советский народ, даже не подозревая, что проходит мимо места, где решаются судьбы не только родной страны, но и многих стран, находящихся за тысячи километров отсюда. Силловые структуры могущественной советской империи существовали отнюдь не сами по себе, и даже всевластный в общественном сознании КГБ был так же подотчетен, как и все остальные. Но здесь, скромно и незаметно, обитали те, о ком не писали советские газеты, кто отчитывался о своей работе, по сути – самому себе, но кому отчитывались все остальные. Те, кто на самом деле держал в руках пульт управления огромной государственной машиной. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, последние десять лет, с 1966-го года, управлялся Арвидом Яновичем Пельше. Единственный случай, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Иосиф Виссарионович Сталин решил пошатнуть власть партийных функционеров, выдвинув на первый план органы советские, закончились огромными толпами народа, пришедшими попрощаться с безвременно почившим вождем. Уже при Хрущеве произошло объединение Комитетов Партконтроля и Госконтроля, а руководство стало избираться Секретариатом ЦК КПСС. Таким образом, власть КПК стала абсолютной и неподотчетной никому.

Захлопнув дверь машины, Блинов подошел к подъезду, преодолел сопротивление тяжелой входной двери с мощной пружиной, словно желавшей напомнить вошедшему о его незначительности, и молча вытерпел процедуру на пропускном пункте. Сегодня ему предстояло познакомиться с новым куратором отдела, вместо ушедшего на заслуженную пенсию давно привычного и предсказуемого Михаила Евграфовича. Согласно разведанным, его преемник прослужил долгие годы в аппарате Михаила Андреевича Сулова, прославленного идеологической нетерпимостью ко всему, что не входило в его картину мира, что не могло не наложить отпечатка и на его сотрудников.

Лестница, красная ковровая дорожка, тишина коридоров власти. Еще одна нарочито тяжелая дверь. Светлое пятно на месте старой таблички, новую еще не повесили. Тук-тук.

– Проходите, товарищ Блинов, – голос бесцветный, как и его хозяин, – Можете называть меня просто – «товарищ Петров».

«Надо же, как официально! А имени-отчества вроде, как и не нужно...» – Блинов пожал своему визави руку, напомиनावшую живостью конечность манекена, и занял предложенное кресло. Сидевший перед ним человек какое-то время рассматривал его сквозь очки в золоченой тонкой оправе.

– Скажите, товарищ Блинов, – начал куратор, – Чем же все-таки занимается ваш отдел?

– Простите, – вздрогнул не ожидавший такого начала полковник, – У вас же должен быть допуск к материалам?

– Все это есть, – рука очертила круг над картонными папками, лежавшими на краю стола, – Но материалы оттуда напомнили мне скверную фантастику западного толка. И, если бы не личная беседа с Юрием Владимировичем, я бы счел это неуместным розыгрышем. Так что же, все это действительно имеет место быть?

– Как верно считает товарищ Андропов, это именно «имеет место быть», – нейтральным тоном подтвердил Блинов.

– И как это сочетается с базовым для нас понятием материализма, позвольте спросить?

– Самым наилучшим образом. Как вы могли заметить, никакая религия, и тем более – мракобесие в наших докладах не имеют место быть. Работаем исключительно на переднем рубеже советской науки, отыскивая необычные применения существующих и еще не открытых законов физики и химии.

– М-да? Впрочем, вы же один из Особых отделов, да еще и с научной группой. Что же тогда у вас вместо науки все больше погони с перестрелками?

– Увы-увы! – развел руками Блинов, – Приходится пресекать употребление искомым нестандартных методов отдельными несознательными личностями во вред народному хозяйству.

Полковник руководил отделом давно, канцелярским слогом владел не хуже собеседника и мог поддерживать подобную шизофреническую беседу часами, лишь бы на пользу дела. Теперь, после обмена ритуальными фразами, которые должны были выявить случайно затесавшегося в стройные ряды чужака, должен быть высказан какой-то подвох, создающий чувство вины перед куратором. И он не замедлил с появлением.

– Так, а что же у вас, товарищ Блинов, по идеологической части во вверенном вам отделе? – как бы невинно спросил куратор.

– Имеются комсомольская и партийные организации, проводятся собрания, взносы собираются в срок! – бодро отрапортовал полковник, – Есть кандидаты в члены партии из числа сотрудников!

– Читал, читал. Как-то все гладко у вас идет, как обычно нигде не бывает. И комсомольцы все такие ответственные, хоть картины с них пиши. Трудятся на благо страны, после работы вместе советские песни поют...

«Ага, вот теперь перешли к делу...»

– Например, есть у вас такие, – он зашуршал страницами блокнота, – Волков и Альтшулер. Или все же Альтов? Оперативный псевдоним, скажете? Ну, да ладно. Отлично исполняли на два голоса песню «Гляжу в озера синие, в лугах ромашки рву». Слышали такую?

– «Зову тебя Россиею, единственной зову». Конечно, знаю. Хорошая песня. А что в ней не так? – осведомился полковник.

– Все так, все так! Кроме исполнения на западный манер и припева «Уезжаю в Израиль!» Они что, всерьез туда собрались? Что они тогда делают в вашем отделе, спрашиваю я? – победно сверкнул очками куратор.

«Вот они оба у меня получают, Тарапунька со Штепселем хреновы!» – подумал Блинов, соображая на ходу: – Это лучшие оперативные сотрудники, в интересах работы им приходится изображать из себя шалопаев, дабы сбить с толку разрабатываемые объекты!

– И кого же они разрабатывали на дне рождения вашего же сотрудника Звонарева? Уже так с образом сжились, что выйти не могут? Как нелегалы, да? И это только единичный случай, про остальных тоже можно немало рассказать! А что за история с пропавшим сотрудником? Вы можете убедительно доказать, что он сейчас не на территории вероятного противника? А?

– Виноват! – изобразил раскаянье на лице Блинов, – Все указанные сотрудники получат выговоры!

– Маловато будет, выговоры! Ваши сотрудники должны продемонстрировать, что они настоящие комсомольцы и коммунисты, а не только на бумаге! А главное – жду от вас раскрытия настоящего громкого дела, доказывающего серьезность и нужность вашего отдела!

– Прошу прощения, громкого – не получится! – развел руками Блинов, – Все наши разработки подходят под определение государственной тайны.

– Думаю, вы поняли мою мысль! – отрезал куратор, – Не смею вас больше задерживать.

– Счастливо оставаться, товарищ Петров, – ответил полковник.

«На первый раз – пронесло. А дальше – что-нибудь придумаем. Наше дело правое, победа будет за нами», – вышедший на улицу полковник расправил плечи, вдохнул пыльный московский воздух и впервые улыбнулся.

2

В тяжелом плаще, развевающимся как черные крылья за спиной, он стоял у каменного парапета на краю крыши и улыбался. Город лежал, поверженный к его ногам. Узкий серпик луны освещал широкие прямые проспекты и узкие изогнутые переулки старого города. И тени, тени везде. Тени естественные, порожденные дневным или ночным светилом. И другие, шевелящиеся словно щупальца, заглядывающие в окна, ищущие оставшихся в городе живых. Сзади, за спиной, замерла свита, страшась невольным движением или шумом прервать затянувшееся молчание господина. Завтра никчемные людишки приползут с изъявлениями покорности и ключами от их жалкого города. Людишки, чьи жизни оказались такой хорошей пищей. Их властитель отчего-то решил, что он станет мощным оружием в распрях с такими же недомками – соседями. Это он-то, один из расы Господ. Теперь нет ни жалкой страны, ни соседей. Только на севере остались непокоренные, но это дело недалекого будущего...

Он сделал незаметный знак рукой, и рядом возник силуэт в коричневом плаще с капюшоном.

– Что прикажете, господин? – один из лучших преданных слуг, даром что человешишка.

– Завтра мы пойдем дальше. Оставь здесь руководителей из людишек, пусть думают что все закончилось, пусть плодятся и размножаются, – он усмехнулся, – А в середине города пусть поставят мемориал по невинно, хм, замученным. Пусть ходят и поклоняются им.

– Осмелюсь спросить, для чего этот мемориал, мой господин?

– Бесплотным тоже нужно чем-то питаться. – Он бросил последний взгляд на затаившийся город и пошел прочь...

– Гена, Гена, вставай, ты же все проспал!!!

– Ммм?

Разлепив с трудом веки, Геннадий попытался сфокусироваться на окружающей обстановке. Большую часть поля зрения занимало озабоченное женское лицо с пухлыми щечками. Наташа, жена. Он застонал и рывком сел на кровати. Реальный мир постепенно занимал подobaющее ему место. Низкий потолок, убогая мебель. Тесная комната в пятиэтажке на Нижегородке. Все, как всегда.

– Опять эти сны? – озабочено спросила Наташа.

– Да, – прохрипел он пересохшим ртом, – Сколько времени?

– Много! Тебе на работе уже через полчаса быть надо! Я тебя никак добудиться не могла!

– Вот же черт! – Геннадий помчался в санузел, пытаясь одновременно чистить зубы и намывать щеки для бритья. Получалось одинаково плохо. Наконец, махнув рукой на недобритую щеку, он выскочил обратно, влез в плохо выглаженный костюм, сунул галстук в карман и побежал к выходу.

– Оболтус в школе? – на ходу спросил он жену.

– Лето же, каникулы, – растерянно ответила та.

– Да точно. До вечера! – он выбежал на лестницу и заскакал по ступенькам вниз.

Квартал пятиэтажек, выстроенный между Нижегородской и Новорогожской улицами давно проснулся и занялся своими привычными делами. Бегали по дворам дети. Рассевшиеся на лавочках старушки провожали бегущего Геннадия задумчивыми взглядами.

– О, здорово, кого я вижу! – вот только этого не хватало! Неизвестно откуда взявшись, путь преградил Вован, сосед с первого этажа. На красной небритой роже светилась искренняя радость нечаянной встречи.

– Геннаха, дружище! – Вован широко раскрыл объятия, обдав Геннадия сложным выхлопом утреннего перегара, – Как же я рад! Шел, думал – кто же мне даст полтинник с утра, а тут – ты! Дай, я тебя обниму!

– Вова, ну я же не бухгалтерия! – попытался вывернуться Геннадий, но тот знал свое дело крепко и жертву выпустать не собирался.

– Ну, я же тебе отдам! С получки. Или еще с чего-нибудь. Мы же друзья, Геннаха?

– Ага, с пенсии... – Геннадий вытащил из кармана пятьдесят копеек, бывших ровно половиной приготовленного на обед рубля. Отказать, как обычно, не хватило духа, и Вован об этом отлично знал.

– Спасибо тебе, дружище, выручил рабочий класс! – с чувством произнес Вован, но Геннадий уже бежал к остановке.

Ну вот! Сто шестой автобус уже уехал и весело моргал желтым огоньком, поворачивая направо в Калитники. Семьдесят четвертого тоже не видно, одни троллейбусы равнодушно катили мимо. Затравленно оглянувшись, Геннадий помчался через район напрямую.

Хладокомбинат, на котором работал Геннадий, напоминал своим видом средневековый замок, возвышающийся темно-красными кирпичными стенами между жилым районом и Калитниковским кладбищем. Но замок этот жил какой-то странной жизнью, качая в своих венах – трубопроводах аммиак, выдыхая жар из теплообменников, впуская и выпуская из ворот погрузчики. Храня от теплого лета за мощными стенами вечный холод своего сердца – гигантских холодильных камер.

Проскочив проходную, Геннадий резко сбавил ход, надеясь, что его примут за давно присутствующего на работе и идущего по каким-то важным служебным делам. Но не тут-то было, завернув за угол, он наткнулся на крайне недовольного главного инженера.

– А, Скрябин! Где ты ходишь? – главный инженер даже не пытался скрывать раздражения, – В первом холодильная установка не работает, если мороженое потечет – отвечать будешь ты!

Да что за утро такое! Геннадий помчался к воротам с выцветшей цифрой «1», но был окликнут снова, уже с другой стороны.

– Скрябин, подождите! – по двору вышагивала Мефодьевна из профкома. Игнорировать ее было крайне нежелательно, ибо от нее зависели многие блага, распределяемые в коллективе ею лично, и цену себе она знала более чем. Формально она числилась в бухгалтерии, бывала там только мимоходом, и злые языки говорили про нее, что считать она умеет только деньги в своем кошельке.

– Скрябин, вы писали заявление на путевку в санаторий! – не то спросила, не то утвердила Мефодьевна, – Так вот, вместо восьми путевок нам дали только шесть, так что вам – не досталось!

«Почему не досталось снова именно мне?» – хотел спросить Геннадий, но только жалко кивнул и ответ и побежал дальше.

За сдвижными дверями, открывавшимися на погрузочную рампу, царила привычная суета. Взад-вперед носились погрузчики, из открытых дверей морозильных камер вырывались клубы пронизывающего холодом тумана. Около одной из камер возились матерящиеся электрики.

– О, Палыч! – приветствовал Геннадия бригадир, – Ты тоже примчался? А тут по твоей части ничего и нету! Погрузчик, дебил косорукий, кабель зацепил, коротыш нам устроил! Хорошо, сам жив остался. Мы пока времянку кинули, вон висит, к обеду все восстановим, как и было!

Да, действительно, между столбами висел кое-как закрепленный кабель с торчащими в разные стороны скрутками. Но камера работала, и это было главное. Геннадий прошелся взад-вперед, прислушиваясь и приглядываясь, дабы обнаружить потенциальные проблемы. Левая

нога внезапно заскользила, он чертыхнулся, но на ногах удержался. Пригляделся – на полу тянулась отчетливая дорожка из маслянистых капель. «Опять у какого-то погрузчика гидравлика течет! Они же сами по ней юзом катятся! Как еще крупной аварии не устроили! – Геннадий шагнул было в сторону выхода, чтобы высказать претензию их начальнику, но вовремя одумался: – Скажет, что запчастей нет, а работать надо. Вот ведь...»

Словно в ответ его мыслям, через весь морозильный склад пронесся грохот падающих поддонов. Он вздрогнул, разворачиваясь на звук, и наступил на лужицу второй ногой. Пол вывернулся из-под ног, Геннадий бестолково замахал руками, схватился за что-то подвернувшееся и повис на этом.

– Осторожно! – донесся полный ужаса крик электрика.

Кабель времянки, за который ухватился Геннадий, рассоединился, рука скользнула к оголенному участку, и мир утонул в яркой вспышке, сменившейся полной темнотой.

3

Утро застало Виталия в щелястом сараюшке, куда его определили на ночь. Спал он на каких-то ящиках, спасибо хоть, что матрац и одеяло выделили. Впрочем, иного отношения к непонятно откуда появившемуся в критический момент деревенщине, за которого его принимали, он и не ожидал. В общем, его убедительно попросили сидеть и не высовываться, пока все не утихнет, и определили в этот сарай с минимальными удобствами, не забыв навесить на дверь замок. На дворе уже началась какая-то деятельность, скоро должны были вспомнить и о нем, а пока что Виталий размышлял о более-менее убедительной легенде своего неожиданного появления в «параллельной Москве».

Откуда он мог появиться, раз его приняли за старообрядца? Где в этом мире могут быть глухие кержацкие деревни? Наверно там же, где и у нас? Срочную службу Виталий служил во Внутренних войсках в низовьях Енисея, где и слышал и сам видел много деревень ушедших в прежние времена от государства людей старой веры. Он даже припомнил названия енисейских притоков, что должно было придать его повествованию убедительности. Вот только с молитвами у него было туго. Деревенская бабушка пыталась пару раз взять его с собой в церковь, но уговорить юного пионера Виталика ей так и не удалось. Что же она там бормотала? Вот ведь незадача...

Наконец, в замке заскрежетал ключ, и в дверном проеме появилось бледное, но улыбающееся лицо Пимена.

– Что, Виталий – Божий человек, проснулся? Ну да, ты же деревенский, встаешь с петухами, ложитесь с курами, хе-хе. Иди, умывайся – оправляйся, да на беседу с главой нашей стражи. Че хмуришься, ты же у нас герой! Расспросит откуда ты, да на довольствие определит – ты же сам хотел.

«Глава их стражи – это наверняка начальник службы безопасности. Ну да, куда же без этого», – подумал Виталий, пожимая руку Пимену, но вместо этого спросил: – Как здоровычко, друг?

– Жить можно, – хмыкнул Пимен, – Не помер – уже хорошо!

Посетив отхожее место и умывальник, приведя себя в порядок, Виталий поднялся на крыльцо конторы, где его уже ждали. В просторной комнате за дубовым столом сидел сам хозяин конторы, накинувший на себя пиджак, из-под которого были видны бинты. Рядом с ним, в кресле, разместился коренастый человек средних лет, со странно-прозрачными глазами.

– Ну, здравствуй, добрый человек! – добродушно приветствовал его хозяин, – Прими мою благодарность за помощь твою в час трудный! Видать тебя, человека Божьего – сам Бог и прислал. Ты, как я слышал, работу спрашивал? Нам такие парни, в беде не теряющиеся, еще как нужны! Только сначала тебе Спиридон Степаныч несколько вопросов задаст, лады?

Виталий кивнул, ясно понимая, что от его ответа сейчас ничего не зависит. Загадочного спасителя в любом мире прокачали бы в первую очередь, а то всякое оно бывает...

– Значит, Виталием тебя зовут, и ты – старовер, правильно? А фамилия у тебя есть? – вступил в разговор прозрачноглазый.

– Конечно, есть! Климовы мы, – ответил Виталий, чувствуя какое-то странное давление в голове, от которого будто начали вставать дыбом волосы.

– И из каких же ты прибыл краев, Виталий Климов?

– Деревня наша Высоково, Енисейской губернии, – «Она же вроде так называлась? Черт, не напутать бы!»

– Высоково, гм... И где же там такая расположена? Далеко от Красноярска?

– Не близко, в верховьях реки Сым! – «Такая там точно есть...»

– И водить лихо, да стрелять точно ты тоже в своей деревне научился? – продолжал Спиридон Степаныч.

– У нас все хорошо стреляют, зверя много, да и людей лихих беглых всегда хватало. А грузовоз я один так вожу! – с простодушным видом заявил Виталий, – «Ага, видели бы вы наши тренировки...»

– Хм... – давление в голове постепенно стихло, а начальник стражи приобрел несколько озадаченный вид, – А скажи нам что-нибудь из Слова Божьего!

«Во попал! Как же там бабушка-то говорила?» – Виталий поднатужился и выдал: – Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный – помилуй нас!

– Да, как-то он не так говорит, похоже – но не так! – задумчиво сказал хозяин.

– Я слышал похожее, но у них же не единственный толк существует, – отозвался Спиридон Степаныч, – А еще что-нибудь?

– Да воскреснет Христос, и расточатся врази его! – торжественно заявил Виталий. Это вспомнилось вдруг легко – простодушная бабушка посоветовала мальчику говорить это от ночных страхов.

– Во дает! – рассмеялись вдруг оба экзаменатора, – Да ты просто инквизитор! Это же их девиз!

«Инквизиторы? Здесь?» – изумлению Виталика не было предела, что рассмешило его визави еще больше.

– Все в порядке, Серафим Пантелеевич, – сказал, отсмеявшись, начальник стражи, – Ничего плохого против вас он точно не замышляет. Что-то в нем есть странное, но учитывая происхождение – это вполне объяснимо.

– Вот и ладно, что все так обернулось! – довольно произнес Серафим Пантелеевич, – Ступай, Виталий, ну и имечко у тебя, за премией к казначею, прикупи на рынке что тебе нужно, и приступай к работе. Пимен покажет, да и познакомит тебя со всеми.

– Благодарю за доверие! – Виталий поклонился и вышел из комнаты. За его спиной Серафим Пантелеевич и Спиридон Степаныч снова озадаченно переглянулись.

Пимен нетерпеливо нарезал круги по двору и обрадовался при виде Виталия.

– Ну что, все в порядке? Приняли тебя? – накиннулся он с вопросами.

– Да, все отлично! – ответил сияющий Виталий, – Даже премию начислили! Кстати, ты должен мне показать мою новую работу, после того как я прибарахлюсь на рынке.

– Сейчас все сделаем, – оживился Пимен, – А с тебя вечером – гулянка!

Получив деньги у недовольного мужичка с карандашом за ухом, они отправились на Рогожский рынок, находившийся там же, где и в Москве Виталия. «Одна Москва, другая Москва, так и запутаться недолго. Пусть будут – первая и вторая!» – думал Виталий, шагая по Школьной улице.

– О, Ефросинья, привет! – обрадовался вдруг Пимен, при виде симпатичной шатенки с вьющимися волосами, – Это мой друг Виталий! Он из Сибири, и крут – невероятно!

– Доброе утро! – поздоровался Виталий. Затем он посмотрел на Пимена и Ефросинью, все понял и сказал: – Я сам все куплю на рынке, там и увидимся.

Пимен благодарно кивнул ему и повернулся к Ефросинье. Виталий усмехнулся и пошел дальше один.

Закупившись на рынке мыльно – рыльными принадлежностями и другими предметами первой необходимости, которые ему сложили в купленную там же большую сумку, он вышел обратно на Рогожский вал.

«Часы, нужно купить местные часы!» – подумал он, оглядываясь по сторонам. И, вместо надписи «Часы», он увидел вдали среди толпы серое лицо! Вот он, сволочь! Виталий бросился к нему, расталкивая людей, но, уже подбегая, понял свою ошибку. Перед ним стоял немолодой человек в поношенных брюках и рубашке, выдавшей виды шляпе, и да, с добродушным серым лицом. Виталий остановился, не зная, что сказать.

– Папа, папа, папа! – маленькая девочка с косичками из кудрявых волос заскакала вокруг мужчины и вдруг прижалась к ноге, обнаружив Виталия.

– Вы что-то хотели? – вежливо поинтересовался мужчина, обнимая рукой девочку.

– Простите, принял вас за совсем другого человека! – растерянно произнес Виталий.

– Это бывает, ничего страшного! – улыбнулся ему мужчина и повернулся к подходящей к нему полноватой женщине с круглым лицом, в котором серость была практически не видна. Они взяли девочку с двух сторон за руки, и пошли на рынок. Виталий смотрел им вслед.

– Чем тебе маврик не угодил? – поинтересовался подошедший Пимен.

– Кто? Маврик? – посмотрел на него Виталий.

– Ну да, не видел их никогда, что ли? Потомки политэмигрантов из Северной Африки. Это давно, еще при Железном Канцлере было. Кто-то потом вернулся, но многие остались, семьями тут обросли. Обычные работяги, ничего интересного. У нас на складе даже есть один такой.

– Да уж, век живи, век учись – дураком останешься! – пробормотал Виталий, решив как можно быстрее купить газет и главное – учебник истории.

– Метко сказано! Это ваше, местное? – с уважением произнес Пимен.

4

Вернувшийся в отдел полковник Блинов молча проследовал в свой кабинет, оставляя за спиной напряженную тишину. Какое-то время ничего не происходило, затем на головы сотрудников обрушился страшный разнос. Первыми под раздачу попали только что подъехавшие «два веселых гуся» в лице Сергея и Эдика, за ними – Юра и далее по списку. Наоравшись и слегка успокоившись, полковник перешел к текущим делам. Фраза про «нужность отдела» постоянно всплывала в его голове.

– Докладывайте, у кого из вас что нового есть на это утро? – буркнул он.

– Разрешите доложить? – поднялся Волков, – Мы обследовали заново дом с прилегающими окрестностями и навели справки в жилконторе. Начну с подвала – он стоял запертым последние три месяца и никак не использовался, ключи имелись у техника. Как туда попадали наши подозреваемые – техник мнется и отводит глаза, скорее всего ему просто давали на лапу. Далее, в квартире прописан Петрухин Андрей Иванович, тридцать шестого года рождения, сотрудник Библиотеки имени Ленина. Телефона в квартире не имеется, так что вопрос «Кто вызвал милицию» остается пока открытым. Остается предположить, что за домом следил кто-то еще, не замеченный нами, либо у них есть какие-то особые возможности связи с соратниками. В милиции мы уже узнавали – звонок был из телефона-автомата на Преображенской площади. У нас – все.

– В Библиотеке имени Ленина работал? – задумчиво протянул Блинов, – Книги, закрытые фонды... Филькин, езжай в библиотеку, выясни, чем занимался там этот Петрухин.

– Есть! – Александр, все еще переживавший втык от начальства, вскочил со стула и пошел к выходу.

– Еще хотим проверить такси, – добавил Сергей, – Номер мы разглядели нечетко, поскольку машина стояла далеко. По нашим прикидкам – пятый или шестой таксопарки. Портрет «Хозяина» Звонарев нарисовал очень неплохо, должны опознать.

– А я бы съездил в тот подвал, раз ключи у нас есть, – произнес доселе отстраненно молчавший Юра Звонарев, – Постояю там, может быть, увижу что-нибудь полезное.

– Я с ним, если никто не против! – вскинулась Марина.

– А ты-то там зачем? – удивился Блинов.

– Ну... мало ли что там может быть... Ему в любом случае поддержка нужна, – не совсем логично объяснила девушка.

– Ладно, езжай! – махнул рукой полковник, – Работайте!

Все встали, отодвигая стулья и расходясь по комнатам.

– Ну и что вы об этом думаете? – спросил Сергей, закрывая дверь комнаты.

– О чем конкретно? – уточнил Эдик.

– Да о том, как некоторые детали празднования дня рождения Юры вдруг стали известны на самом верху.

– Думаю, что нас троих все же можно исключить, – ответил Эдик, – И подозреваемых сразу станет сильно меньше.

– Сам Юра болтать бы не стал, он же не дурак, чтобы друзей подставлять. А Климов не стал бы подставлять напарника, – добавила Ира.

– А остальные к тому моменту разошлись, – задумчиво произнес Сергей, – Значит...

– Филькин еще остался, – вспомнил Эдик, – Просто он тихо в углу сидел, ты про него и не вспомнил.

– Точно! – Волков прищелкнул пальцами, – Был он там! И мы его не знаем совсем.

– Если честно, не нравится он мне чем-то, – сказала Ира, скорчив гримаску и уставившись в потолок.

– Пригласил же его Юрка для чего-то, – пожал плечами Эдик.

– Ладно, значит сначала Юрку спросим, а потом тряхнем Филькина, – подытожил Сергей.

5

Темнота. Холод, опять этот холод в груди... Мама... Старая комната с тусклыми обоями, в высокие окна льется оранжевый закатный свет. Высокий потолок, перечеркнутый электропроводкой на фарфоровых изоляторах, под ним – широкий матерчатый абажур со свисающими нитями. Мама, что происходит? Мама, берегись!

– Только несчастных случаев на производстве нам не хватало...

– Ну, понадобилась нужному человеку путевка – где бы еще я ее взяла?

Мама, мы спаслись? Мама... Мне так холодно...

Резкий запах ударил в нос. Геннадий отшатнулся и открыл глаза. Квадратные колонны, серые балки потолка.

– Очнулся, наконец! – фельдшерница из здравпункта убрала из-под носа резко пахнущий пузырек.

Вокруг стояли электрики, складские рабочие, водители погрузчиков и даже главный инженер с Мефодьевной.

– Да, напугали вы нас, Скрябин! – без тени сожаления произнес главный инженер, – Надо вам поосторожнее быть! Все, товарищи, расходитесь, расходитесь! Тут вам не цирк!

– Виноват... – привычно пробормотал Геннадий. Оперся на руку, пытаясь встать, собрался с силами и тяжело поднялся на ноги. В голове все еще шумело, и мелькали обрывки странного видения. Кроме того, он дрожал от холода.

– Ладно, – главный инженер окинул его внимательным взглядом и отвернулся, – Езжайте домой, сегодня отлежитесь. Происшествие с вами мы нигде отмечать не будем. Завтра ждем вас, кгм, для новых трудовых свершений.

– Спасибо... – каркнул пересохшим горлом Геннадий и медленно побрел к выходу.

Толпа разочарованно разошлась, забегали погрузчики, электрики уже тянули новый кабель. Хладокомбинат продолжал работу, будто ничего не случилось. Геннадий прошел через проходную, дошел до угла с Сибирским проездом и остановился, унимая головокружение. Кирпичные дома, над которыми ветер несет сероватые облака, пыльные деревья. Из подъезда вышла девушка с суetyащейся пуделишкой на поводке. До чуть было не погибшего инженера по ремонту холодильной техники Скрябина никому не было дела. К остановке подъехал автобус 74-го маршрута. Геннадий влез в него и поехал домой.

6

Александр Филькин ехал на метро от Кировской до Библиотеки имени Ленина и думал о несправедливостях жизни. Как обычно, все интересное проходило мимо него, пока он занимался очередной порученной ему ерундой. Сначала – мальчик из хорошей семьи, состоявшей кроме него из властных мамы и бабушки, вечно споривших о его воспитании, но всегда сходящихся в одном, что без их постоянного руководства маленький Саша непременно пропадет. Все его детство, казалось, состояло из указаний, с кем дружить, в какие игры играть, а что не делать ни в коем случае. Мальчишки отказывались с ним водиться, называя маменькиным сыночком, а на самом деле не желая портить игру вмешивающимся во все подряд взрослым человеком. Девочки отворачивались без всяких объяснений. В итоге, он дружил с двумя такими же забитыми «примерными мальчиками», с годами умнея и учась скрывать свои подлинные чувства и поступки. С началом полового созревания все стало гораздо хуже, но тут юный Саша неожиданно открыл в себе редкий дар. Оказалось, что он может довольно точно угадывать выигрышные билеты лотереи «Спринт» и передвигать мелкие предметы, не прикасаясь к ним руками! Ошеломленный открывшейся перспективой, он мгновенно нашел ей применение, тыря по-мелочи в магазинах. Неизвестно, до каких высот дошла бы его карьера мелкого жулика, если бы ни попытка вытащить пятерку из кошелька безобидного на вид мужичка, оказавшегося волкодавом с Петровки. Уверенный, что доказать ничего не удастся, он хамил и смеялся милиционерам в глаза, пока молчавший до того человек в штатском не попросил их выйти, после чего взглядом подтолкнул к оторопевшему Саше лист бумаги с ручкой и попросил указать по пунктам все доступные ему фокусы. Таких умений у сотрудников органов правопорядка юный жулик совершенно не ожидал, впал в панику, и, шмыгая носом, рассказал все, как есть. Получив клятвенные обещания «больше никогда и ни за что», его взяли на заметку и по окончании института предложили работу с обратным знаком. Александр радостно согласился, решив, что теперь-то он ускользнет от опостылевшей родительской опеки! Жизнь показала, насколько он ошибался.

Теперь он ехал проверять остывший след, ничуть не веря в успех, и отчаянно завидуя занимающимся настоящим делом коллегам. Те жили полной жизнью, дружили, влюблялись, и все это происходило словно за стеной. Здоровый лосяра Волков, у которого уж точно не могло быть по жизни никаких проблем, и который с азартом кидался на любое дело. Дружбан Волкова – Эдик, хлюпик, которому только на скрипочке про бабку и рыбку пиликать, оказался решительным и бесстрашным в момент опасности и уже успел влюбить в себя новенькую девочку. Юрик, с его непонятными глюками, а туда же – Маринка от него не отходит, ведьма рыжая. У всех было все отлично. Кроме него. Даже любовь свою он должен скрывать...

Это произошло ранней весной, когда спасаясь от пронизывающего ветра, он пошел с работы через квартал насквозь, гулками проходными дворами. Вот там-то он и услышал задавленные крики о помощи и какую-то возню. Крепко вбитые в голову с детства установки требовали пройти мимо, сделав вид, что ничего не происходит. Но тут, отчего-то, ноги сами понесли его в отдаленный угол двора, где возле помойки три ржущих охламона зажимали отбивающуюся девушку.

– Эй, отпустите ее! – крикнул Саша внезапно осипшим голосом.

Охламоны неприятно удивились, двое сразу направились к нему, беря в клещи. Такие расклады проигрывались на тренировках не раз, поэтому заученным движением, он пробил одному локтем в «солнышко» и сразу тыльной стороной кулака в нос, второму в подшаге ребром стопы под колено и обеими руками по ушам. Мельком глянув на упавших противников, он решительно шагнул к третьему, все еще держащему девушку.

– Не подходи ко мне! Зарежу! – заверещал тот, отпрыгивая в сторону и доставая нож.

С непонятной решимостью, Саша двинулся прямо на нож, сбил укол левой рукой, перехватив запястье, затем с оттягом ударил ребром правой. Нож зазвенел где-то под ногами. Еще удар, локтем в челюсть – противник улетает между мусорными баками, где и остается. Чистая победа. Перед Сашей стояла очаровательная девушка в пушистой шубке. Он взял ее за руку и повел к выходу из двора.

Девушка оказалась племянницей высокопоставленного человека, студенткой института имени Плеханова по имени Ксения. Так начался их тайный ото всех, а в первую очередь – от родителей, роман.

Александр вышел из метро «Библиотека имени Ленина», поднялся по широким темным ступеням к входу в библиотеку, где и предъявил свое удостоверение. Сотрудницы забежали, после чего выставили вперед женщину в строгом костюме и золотых очках.

– Что конкретно вас интересует? – строгим голосом спросила женщина.

– Нас, – выделил тоном Александр, – Интересует гражданин Петрухин, Андрей Иванович, работавший в вашем учреждении.

– Работавший? – искренне удивилась женщина, – Он и сейчас у нас работает!

– Он сегодня на работе? – воспрял духом оперативник, – Вы сможете проводить меня к нему?

– Конечно, смогу, – все еще удивленно ответила женщина, – Идемте, товарищ!

Миновав вслед за своей провожатой несколько запутанных коридоров и переходов, Александр попал в царство книг. Огромные длинные стеллажи, казалось, образовывали настоящий лабиринт.

«Я же его в жизни не поймаю, если он побежит...» – растерянно подумал Александр.

Уверенно оглянувшись, женщина подвела его к стоящему у стены столу с настольной лампой, за которым увлеченно изучал какую-то книгу черноволосый человек в больших роговых очках.

– Андрей, отвлекись, пожалуйста! К тебе пришли! – окликнула его женщина.

Мужчина встал, и в тот же момент Александр понял, что с описанием он не имеет ничего общего.

– Петрухин Андрей Иванович? – строго спросил он, демонстрируя удостоверение.

– Да, это я! – растерянно улыбаясь, подтвердил мужчина, – А в чем дело?

– У вас паспорт – при себе?

– Да, вот он! – мужчина порылся в кармане пиджака и выудил подозрительно новый паспорт.

– Разрешите? – Александр перелистнул страницы. Да, паспорт действительно принадлежал этому человеку, только вот жил он в совершенно другом месте. Остался один вопрос.

– Вы меняли паспорт?

– Да, вы знаете, прежний у меня куда-то пропал! Мне пришлось писать заявление в милицию и получать новый. Меня в чем-то обвиняют? – спохватился Петрухин.

– Андрей Иванович у нас такой рассеянный! – покачала головой женщина.

– Нет, все в порядке, – успокоил его Александр, – Больше вопросов нет. Я надеюсь, мне покажут, как отсюда выбраться?

Разочарованный в лучших чувствах, он поехал обратно в контору. Опять неудача!

7

Странник проснулся, и какое-то время соображал, где он находится в настоящий момент. Узкая комнатка с высоким потолком, в окно видна тихая улочка. За дверь слышны шаркающие шаги хозяина квартиры. Значит, это «другая Москва», он тут снимает комнату у нелюбопытного старичка, чтобы было где остановиться во время своих вояжей. Он потянулся, с улыбкой глядя в потолок. Ему тут нравилось, и временами хотелось задержаться подольше, хотя «путать туризм с эмиграцией» он не собирался. Ну, раз уж проснулся – пора и за дело. Он умылся, побрился прихваченной с собою бритвой – местные ему не нравились. Позавтракал наскоро пожаренной яичницей с колбасой. Прихватив свою неизменную сумку, он вышел из дома по Большому Дровяному переулку к Гончарной площади, где в торговых рядах ждал его контрагент.

Вокруг шумел утренний город, звенели трамваи. Из-за некоторой старомодности, присущей «другой Москве», Страннику иногда казалось, что он попал в свое далекое забытое детство. Он часто обдумывал, гуляя по городу, отчего так получилось – две таких похожих – и таких разных Москвы. История, движущаяся практически параллельно вплоть до двадцатого века, свернула там на другую дорожку, вызвав массу интересных изменений. В обоих мирах случилась революция, и даже причины были почти одинаковы, разве что царя-неудачника здесь звали Павел. А вот бразды правления в разоренной войной стране подхватил сразу местный аналог Сталина, которого в народе со страхом и уважением звали Железным Канцлером. Бывший офицер, с кучкой столь же упертых единомышленников, он не дал развалить армию, что позволило закончить войну почти без территориальных потерь. Во всяком случае, местная Украина осталась в довоенных границах, что и сыграло позже крайне важную роль. Желающие устроить революцию во всемирных масштабах отправлялись на важнейшие стройки народного хозяйства в Сибири, дабы доказать свою способность к созидательному труду. Таким образом, к сороковым годам страна пришла в значительно лучшем состоянии и к начавшимся событиям в Германии была готова. А там уже закипал котел, старательно подготовленный странами – победительницами в Великой войне, постаравшимися унижить Германию морально и материально, устроив в ней финансовый хаос. Пришедшего к власти Гитлера в местном варианте звали почему-то Шульце, что несколько не помешало ему действовать теми же методами. Как и положено, Германия присоединила к себе Австрию и ринулась в промышленную Чехословакию. Трудолюбивые, но капитулирующие при малейшей опасности чехи привычно приготовились сдать, когда через восточную границу в страну вломились механизированные корпуса Железного Канцлера, оснащенные тяжелыми танками прорыва. По сути, Германская война окончилась, толком не начавшись. Шульце был смещен и арестован самими же немцами, потрясенная Восточная Европа ловила каждое слова Москвы, англосаксы традиционно протестовали. В результате все вылилось в вялотекущую Холодную войну с периодическими столкновениями на отдаленных театрах военных действий. США остались малоинтересной заокеанской страной, временами пытающейся перетянуть одеяло у союзной Великобритании. Ни атомной бомбы, ни ракетной гонки не состоялось. Космос тоже остался мечтой. Разогнавшийся было прогресс, затихший в конце пятидесятых, начал оживать лишь сейчас. Пришедшее после смерти Железного Канцлера руководство страны объявило либерализацию во всех областях жизни, что привело к своеобразному варианту НЭПа. А что, Страннику нравилось.

Зайдя в верхние торговые ряды, он подошел к знакомой вывеске «Часы» и поздоровался со знакомым продавцом.

– Здравствуйте, уважаемый! – обрадовался продавец, – Сейчас хозяина позову!

– Уже иду, уже иду! – послышался радостный голос, и из внутренних дверей появился сам почтенный Соломон Маркович.

– Рад вас видеть, Тимофей Кузьмич! – потряс он руку Странника, – Ваш товар продается просто отлично!

На самом деле, Странника звали совсем иначе, но выделяться на фоне местных он не собирался, да и имя его устраивало. Пока хозяин отсчитывал деньги, Странник распахнул сумку и начал вытаскивать одну за другой пластиковые коробочки с часами.

– «Командирские»? Отлично, отлично! Их хорошо берут! Не выдадите, где такие часы делают? – лукаво улыбался Соломон Маркович.

– Нет! – отрезал Странник, – Да и все равно это вам никак не поможет, – добавил он более мягким тоном.

– Ну нет – так нет, – не расстроился хозяин, – А что там у вас еще в сумке лежит?

– Сюрприз! – Странник достал часы с красной полосой вместо циферблата и нажал на боковую кнопку. Загорелись цифры, показывая время.

– Вот это – да! – продавец, или как его здесь звали – приказчик, зачарованно уставился на техническое чудо, перекрывая обзор хозяину. Впрочем, тот был потрясен не меньше, и бестактности не заметил.

– Электрические часы? – выдохнул, наконец, Соломон Маркович, – Все же придумали, как их сделать?

– Всего один экземпляр – вам в подарок, забирайте! – Странник был доволен произведенным эффектом.

– Вот спасибо, золотой мой, порадовали старика! – восхищался хозяин. Потом он глянул на Странника с неммым вопросом в глазах.

– Будут, будут. В следующий раз привезу, – успокоил его тот.

Взаимно довольные получившейся сделкой, они расстались. Теперь можно было и отдохнуть.

8

В автобусе Геннадий немного оклемался и вышел на своей остановке уже вполне нормальным человеком, если не считать тяжелой задумчивости. В памяти постоянно всплывала комната, озаренная вечерним светом, в которой должно было произойти что-то страшное. От этого у него периодически пробегали мурашки по всей голове, его потряхивало, но яснее от этого не становилось. Так, не замечая ничего вокруг себя, он добрал до своего дома и открыл дверь квартиры.

– Гена, ты чего вернулся? Забыл что-то? – удивилась собиравшаяся на работу жена и озабоченно добавила: – Да и бледный ты какой-то...

– Наташа, мне что-то не по себе... – выдавил из себя Геннадий, опускаясь на табуретку в узенькой прихожей, – Меня на работе током ударило...

– Гена, ложись немедленно, я сейчас тебе сердце послушаю, – засуетилась жена, доставая из сумки фонендоскоп.

Он послушно разделся и лег на диван, задрал повыше майку. Даже прикосновения холодного прибора в руках жены казались сейчас приятными. Наташа вынула из ушей трубки и села рядом.

– Перебоев нет, но пульс такой частый, будто ты успокоиться не можешь. Скажи, что еще случилось? – ее теплые руки постепенно успокаивали его.

– Ну, во-первых, нам отказали в путевке... – нерешительно начал он.

– Печально, конечно, – кивнула жена, – Но я чувствую, что это не все?
– Мне кажется, что пока я был без сознания, я увидел что-то из детства. Что-то важное, понимаешь? – он выжидающе смотрел на жену.

– Из твоего детства... Понимаю... – задумчиво ответила жена.

Он помолчали. Внезапно Наташа наклонилась и обняла мужа.

– Знаешь, – прошептала она, – Я не решалась предложить, но есть экспериментальный метод восстановления памяти, на основе гипноза. У меня подруга институтская им занимается. Но он еще не испытан совсем...

– Что же ты не говорила мне никогда? – удивился он.

– Ну, это же мозг. Исследования только начались, и никто не знает, к чему это может привести. А ты все-таки – мой муж, а не кто-нибудь!

– Наташа, я должен это выяснить! – твердо сказал Геннадий, – У меня отсутствует кусок жизни, и это совершенно ненормально! Может, потому все и идет наперекосяк, и не получается ничего.

Наташа с сомнением посмотрела на него, явно что-то решая.

– Ладно, я еще посоветуюсь на работе с Агнесой Ароновной, потом созвонюсь с Катькой, может и договорюсь, чтобы тебя приняли.

– Вот и хорошо. Беги, а то тебя дети заждались! – он чмокнул жену в щеку, и она ушла.

Геннадий остался лежать на диване, уставившись в задумчивости в потолок. Его история во многом была похожа на историю миллионов сверстников в Советском Союзе. Жизнь с бабушкой в эвакуации, пока шла большая страшная война. Возвращение в Москву, коммунальная квартира. Затем – отдельная квартира в панельной хрущевке в новоотстроенном районе на Нижегородской улице. Обычная школа, техникум, учеба на инженера-холодильщика. Знакомство и женитьба на симпатичной студенточке из медицинского института. Рождение сына. Все – как у всех. Но отличие существовало, и очень серьезное – у него не было детства. Он не помнил ни своих родителей, ни того, что происходило в первые пять лет его жизни. Кажется, все начиналась сразу с бабушки, со смутных воспоминаний предвоенного года и отъезда в далекое Предуралье. Когда он подрос и начал понимать, что с ним что-то не так, он часто стал спрашивать бабушку о родителях, и о том, что было с ним до этого. Бабушка отговаривалась смутными рассказами о том, что его мама и папа были ответственными работниками, погибшими во время опасного задания. Ну, так детям всегда это говорят. А потом бабушка умерла, и все нити оборвались. Уже взрослым, он пытался отправлять запросы в архивы, но получал стандартный ответ: «не значится». Не нашлось ни прабабушек, ни прадедушек, его единственная бабушка появилась ниоткуда и умерла, не оставив детей. Оставались только появившиеся с годами странные сны и крохотные обрывки воспоминаний.

Обессиленный утренними потрясениями Геннадий пролежал весь день в странном оцепенении. Он не слышал, как приходил пообедать сын, что-то спрашивал, затем убежал обратно во двор. Ближе к вечеру его поднял телефонный звонок – звонила Наташа.

– Записывай! – без предисловий начала она, – Приедешь в Кащенко, это Загородное шоссе, дом 2 – можешь на 38-м трамвае от нас доехать...

– Это что, меня в дурдом сразу определяют? – не поверил своим ушам Геннадий.

– Гена, ну она же психиатр – где еще она должна работать на твой взгляд? – укоризненно ответила жена.

– Ну, хорошо, пусть Кащенко. Дальше что мне делать?

– Спросишь доктора Екатерину Поленову с кафедры психиатрии второго меда, записал? Всё ей расскажешь, а она постарается тебе помочь. Все понял?

– Чего тут непонятного, – пробурчал Геннадий и стал собираться в путь.

9

Открыв злополучную квартиру ключом, Юрий и Марина вошли в полутемную прихожую. Прибитая к стене деревянная вешалка без одежды – ее увезли еще вчера. Двери в кухню и в комнату. Они пошли по квартире, приглядываясь, а Марина даже слегка принохивалась к обстановке. Потом они сели за стол в комнате, Юра надолго задумался, затем посмотрел на Марину.

– Мне кажется, что здесь просто жили, а не творили злодеяния. Во всяком случае, я ничего особенного тут не вижу.

– Ммм, наверно я соглашусь, – неуверенно ответила Марина, – Тут как-то неприятно, но без всплесков. Просто чувствуется, что тут проживал кто-то сильно нехороший, и этим вся квартира пропиталась. Как тут рядом соседи-то жили, интересно мне знать...

– Думаю, не очень дружно, и сами понять не могли почему, – хмыкнул Юра, – Ладно, давай возьмем по табуретке и пойдем вниз, может быть, там поймаем чего.

Подвал встретил вошедших пылью и темнотой. Морщась от затхлого запаха, Марина обошла его по периметру, пожала плечами и присоединилась к Юре, который уже сидел у дальней стены с закрытыми глазами. Не желая его отвлекать, она села на табурет рядом с ним и молча уставилась в никуда.

Наконец, Юра открыл глаза и с безразличной гримасой потряс головой.

– Нет, так нельзя. Ощущение, будто за тобой закрывается тяжелая дверь бомбоубежища, причем – навсегда. Это отзвуки закрытия прохода тут еще гуляют, наверно, да еще и мысли в тему... Давай, поговорим о чем-нибудь? Может, голова очистится.

– С удовольствием! – Марина взяла его за руку и слегка погладила, – О чем ты хочешь?

– Например, ты мне ни разу не говорила, откуда у тебя ведьминские таланты взялись. Или это тайна?

– Да несколько, – Марина даже немного растерялась, – Только не знаю, интересно ли это вообще. Была маленькая девочка с окраины Москвы, чьи родители приехали туда из глубинки. Ну, и вот однажды, поехали они на свою малую родину, своих навестить, да и дочку впервые с родней познакомить. Все как полагается, родители с визитами по братьям-сестрам, теткам да дядькам, дочка быстро перезнакомилась со своими ровесниками, и никто за ней особо не приглядывал – одни свои же кругом. Кто-то и пошутил, что вон там старушка живет – она настоящая Баба-Яга, все к ней заходить боятся. И ты, городская, тоже испугаешься! Кто бы сомневался, что я тут же к ней и поперлась! Старушка как старушка, ничего страшного, чаем с какими-то вареньями угостила. А ночью она померла. Тут-то все засуетились, а я сижу и ничего понять не могу. Никто же не стал городской зассыхе рассказывать, что бабка – реальная ведьма, и никак умереть не может, пока кому-то свое колдовство не передаст. Одни в это не верили – Советская власть на дворе, какие еще ведьмы, другим было просто все равно – их не задело, вот и хорошо. Посмотрели на меня – на помеле не летаю, и успокоились. Все было тихо, пока я взрослеть не начала...

– Что-то серьезное случилось? – внимательно посмотрел на подругу Юра.

– Нет, конечно – характер не тот. Но мелких пакостей наделала много. Вот, что девчонке в голову придет? Внушила однокласснице, что на ее девчачьем альбоме написано «Раиска – дура!» Та рыдает, спрашивает, кто это сделал, а никто ничего понять не может – надписи-то нет...

– Вот ты – чума! – расхохотался Юра.

– Рада, что тебе понравилось, – улыбнулась Марина.

– Тебя на этих фокусах и заметили, что ли?

– Нет, это случилось, когда я уже техникум заканчивала. Возле магазина, где коврами люберецкими торгуют, вижу – женщина стоит, глаза – аж закатились! И рукой из сумочки свой кошелек вытаскивает. А рядом с ней мымра какая-то пристроилась, и как куклой на веревочках

ею управляет! Ну, я – сразу в бой, нельзя же так с людьми! Глупая была, не понимала, что могла там и остаться слюни изо рта пускать.

– Так ты ее победила, что ли? – не понял Юра.

– Если бы. Я же, оказывается, чуть операцию не сорвала, эту мошенницу-гипнотизершу давно уже отслеживали, и брать собирались, а тут – я, такая героическая. Ну, взяли ее там, а со мной побеседовали по душам.

– А почему она им не смогла глаза отвести, или же, внушить что-нибудь?

– Там были два парня из группы захвата с иммунитетом к гипнозу. Не действовал он на них, как на Виталика нашего.

– Как на кого? На Виталика гипноз не действует? Впервые слышу. И он мне не говорил тоже!

– Однако! – удивилась Марина, – Правда, я и сама случайно увидела, когда нам медобследование проводили. Врач вышел, я и почитала, что там у него на столе лежит. Агент я, или кто?

– Ты умница! – Юра не удержался, и поцеловал ее в щеку. Марина слегка покраснела и глянула на него заблестевшими глазами.

– Подожди, вроде бы вижу что-то...

Марина замерла, боясь спугнуть Юре его видение. Тот смотрел куда-то отсутствующим взглядом, затем шумно выдохнул: – Получилось...

– Что там? – тихо спросила Марина.

– Город. Чем-то на Москву похож. Виталик разговаривает с каким-то парнем, оба улыбаются. Значит, нормально с ним все.

– Ну и слава Богу! – Марина взяла его под руку и уткнулась лбом в плечо.

– Осталось только туда дорогу найти, – пробормотал Юра, обнимая девушку.

10

Внимательно осмотрев принарядившегося Виталия, Пимен счел его внешность вполне городской, и о деревенском прошлом нисколько не напоминающей.

– Ты как будто тут и родился, – даже удивился он, – Обычно деревенских за версту видать, что на них не надень!

Теперь можно было заняться такой важной вещью, как легализация нового горожанина. Сперва они зашли в «Фотографию», где многозначительно неспешный фотограф подвигал туда-сюда здоровенный деревянный аппарат, совершил некие колдовские действия, и выдал через полчаса вполне приличные снимки. Во всяком случае, Виталий себя на них узнал.

Затем они пошли в местный полицейский участок, где у Пимена оказалась масса знакомых, которым он тут же изложил красочную историю о парне из деревни, решившем посмотреть мир. Усатый сержант за деревянной стойкой покачал головой, но выписал временное удостоверение личности на имя Виталия Андреевича Климова.

– Постоянный паспорт получишь после проверки, – сказал он, протягивая картонку с уже наклеенным фото.

Пока Виталий благодарил присутствующих за участие в его нелегкой судьбе, Пимен незаметно сунул одному из присутствующих нечто, напоминающее несколько купюр, подмигнул Виталию и потащил его на улицу.

– Вот так, и все довольны! – сказал он.

– А что это за проверка такая? – уточнил Виталий.

– А, ерунда! – отмахнулся Пимен, – Пошлют запрос в твою деревню, через месяц глядишь – дойдет. Если там соблаговолит ответить – еще месяц пройдет. Так что, не скоро ты паспорт получишь. Да ты не тушуйся, таких как ты в городе много. Пойдем теперь права на грузовоз получать.

«Два месяца, за которые мне надо найти путь домой...» – подумал Виталий.

Около полицейского участка остановилась машина, напоминающая 21-ю «Волгу», с непонятной эмблемой на двери – золотой меч с навершием в виде креста в белом кругу. Вылезшие из нее два крепких парня в полувоенных френчах цепко оглядели Виталия и Пимена и скрылись в дверях участка.

– О, инквизиция приехала! – озадаченно произнес Пимен, – Пойдем-ка отсюда, подбру-поздорову.

Схватив Виталия за руку, он буквально потащил его прочь. Было видно, что интересоваться происходящим он не желает совершенно.

– А что случилось-то? – спросил на ходу Виталий, – Кто они такие?

– Не сталкивался еще? – удивился Пимен, – Спецотдел, ловят «колдунов предерзостных».

«О, да это же коллеги, можно сказать!» – отметил про себя Виталий, – А мы тут при чем? Мы же не колдуны.

– Думаю, это со вчерашним покушением связано, – неохотно ответил Пимен, – Но я сам мало что знаю. Должна была состояться встреча на нейтральной территории с Преображенскими, типа, кто где свои дела делает. Но нас постреляли, сам знаешь, а у них там что-то совсем мутное приключилось.

«Тут что, вот так запросто колдуют налево и направо, что официальная служба понадобилась? Значит, отличий куда больше, чем я думал».

– Нет, не все колдуны людям вред творят, ты не подумай! – понял его задумчивость по своему Пимен, – Есть же и целители, и кто вещи потерянные находит, например! Или как Степаныч, видят, когда человек врет. Их никто не трогает, наоборот – ценят!

«Кажется, со мной у Степаныча почему-то не сработало. Может, это только на местных действует?» – подумал Виталий, согласно кивнув головой.

С правами на грузовоз все оказалось просто – экзаменатор задал несколько вопросам по правилам, не отличавшимся, по сути, от привычных Виталию, затем отправил на площадку, где его ожидал потрепанный скрипучий грузовик. Виталий выжал сцепление, коробка взвыла несинхронизированными шестернями, включая первую передачу. Поддал газку, и грузовик, то есть – грузовоз, медленно тронулся.

«Да это же прямо родной ГАЗ-51!» – улыбнулся про себя Виталий.

Покрутившись на площадке, он заехал и съехал с эстакады, затем подал задом к макету погрузочной рампы. Инструктор одобрительно покивал головой, и вскоре Виталий уже получил серую картонку лицензии на вождение транспортного средства грузовой категории.

11

Представления Геннадия о психиатрических лечебницах, а уж особенно – о «Канатчиковой даче», базировались в основном на распространенных анекдотах: кто первый надел халат – тот и врач, чем отличается врач от больного – наличием ключика, и все в таком духе. Поэтому, поднимаясь по асфальтированной дороге к далеким красным корпусам, он внимательно оглядывался по сторонам, дабы не упустить нападения буйных сумасшедших. Однако по сторонам тянулся обычный городской парк, в котором никто не искал на березах ананасы, за деревьями виднелись самые натуральные теплицы, а далеко справа можно было разглядеть большой пруд. Двухэтажные кирпичные корпуса с красивыми окнами и белыми карнизами тоже не навевали мысль об обители скорби, скорее это напоминало какой-нибудь санаторий. Поплутав между отделениями, Геннадий обнаружил искомую кафедру психиатрии и поднялся на второй этаж. Вот тут-то он и обнаружил первого сумасшедшего – одетый в синий халат, тот что-то бубнил, уткнувшись в стенку. Опасливо обогнув больного, он осторожно прошел дальше по коридору, где и обнаружил заветную дверь с табличкой «Поленова Екатерина Константиновна. К.М.Н».

Геннадий постучал, услышал оттуда «Одну минуту!» и застыл, прислонившись к стене. В коридоре было тихо и безлюдно, не считая все еще бубнящего сумасшедшего вдали. Из-за двери напротив доносились негромкие звуки включенного радио, передававшего очередной «концерт по заявкам»:

«Ускакали деревянные лошадки,
Пароходики бумажные уплыли.
Мы, из детства убегая без оглядки,
Все, что надо и не надо, позабыли»

«Какой же звонкий голос у Вали Толкуновой... Вот уж точно, так позабыли, что уже и не вспомнить теперь» – отстраненно подумал Геннадий.

«Самодельные игрушки позабыты,
Но об этом, но об этом не жалеем.
Мы серьезны, глубоки и деловиты,
Мы старательно умнеем и взрослеем»

– Вы ко мне? – дверь была уже открыта, и из нее выглядывала миловидная женщина в белом халате.

– Да, я Геннадий Скрябин, муж Наташи, она сегодня вам звонила... – засуетился Геннадий.

– А, так вот вы какой! – улыбнулась женщина, – Проходите, пожалуйста.

Кабинет оказался совершенно непримечательным, каких полно в каждой районной поликлинике – стол, пара кресел вокруг него, кушетка у стены. Не обнаружив никаких намеков на ужасы безумия, Геннадий успокоился. Дождавшись, когда он займет место в кресле напротив ее стола, доктор подбадривающе кивнула ему и предложила изложить свою проблему так, как он сможет.

– Видите ли, – начал он, – Я совершенно не помню своего детства. Как будто, моя жизнь началась сразу в шесть лет, и сразу – с бабушкой. Я совершенно не помню, ни что было до того, ни собственных родителей. С того момента – помню все отлично, а вот до него – пустота, как будто меня вообще не было. Разве бывает такое с людьми?

– Вообще-то, бывает, – сказала женщина, помечая что-то в блокноте, – Какая-то душевная травма, например. Человек очень не хочет что-то вспоминать, и этот момент будто выпадает из его жизни. Но вы продолжайте, это ведь не всё?

– Да, это совсем не все. Сразу скажу, что свое прошлое я выяснить пытался, но документов никаких не нашел вообще, что довольно странно само по себе. Так вот, этой весной произошел один довольно странный случай. Я – инженер по ремонту холодильной техники, Наташа вам сказала, наверно? Работаю на хладокомбинате. Вызвал меня главный инженер, и отправил в качестве шефской помощи в магазин на улицу Чернышевского...

– В качестве кого? – удивилась доктор.

– Ну, я не могу это объяснить, – замаялся Геннадий, – Я сам этого не понял. В общем, шеф приказал – я поехал...

– Ну, хорошо. И что же там с вами случилось?

– В общем, починил я эту морозильную камеру, вышел – а на улице хорошо, дай, думаю – прогуляюсь. Я ведь в этом районе раньше вообще ни разу не был. Старинная улица Покровка, дома тех времен. Иду я, иду – и меня начинает забирать... В смысле, будто я не только здесь бывал не раз, но и вообще этот район отлично знаю! Просто дежавю какое-то! Зашел во двор – будто домой вернулся! Ну, я по дворам побродил, старушек поспрашивал – может, кто вспомнит Гену Скрябина? Нет, говорят, не было тут таких. А я смотрю на окна и будто сейчас

вспомню что-то – и не могу. Только слово откуда-то всплыло – Мохнаша. Кто это, игрушка какая-то, что ли... Вот с этого момента и начали мне сниться сны.

– Вам стал сниться этот дом?

– Нет, если бы. Мне снится, что я обладаю огромной, просто нечеловеческой мощью, и веду свою армию, завоеывая города один за другим. И это как-то связано с Покровкой и с чувством жуткого холода в груди. Мне не нравятся эти сны, мне от них плохо. В общем, кончилось дело тем, что на работе я сегодня попал под напряжение. Меня откачали, конечно..

– Что-то вы побледнели. Как вы себя чувствуете? – забеспокоилась Екатерина Константиновна, – Дайте-ка я вам пульс померяю.

– Это оттого, что при этом случилось, – сказал Геннадий, протягивая руку, – Я наконец-то увидел.

– Увидели – что? – нащупывая пульс, спросила женщина.

– Комнату, старую комнату на закате, люстра матерчатая еще. И ощущение, что сейчас произойдет нечто ужасное.

– Может это и есть то событие, которое ваша память отказывается хранить, – задумчиво произнесла Екатерина Константиновна.

Какое-то время она оценивающе смотрела на него. Потом поинтересовалась:

– Вы точно уверены, что хотите это знать? А если это окажется именно тем, что лучше забыть и не вспоминать никогда? Не каждое знание полезно, отнюдь не каждое! Подумайте еще раз!

– Я хочу знать, что тогда случилось, и отчего моя жизнь сложилась именно так, как сложилась! – твердо произнес Геннадий.

– Ну что же, это ваш выбор, – медленно сказала она, – Сейчас мы с вами попробуем погрузить вас в гипнотический транс. Метод экспериментальный, наработок почти нет, так что – не обессудьте, если не получится.

Она уложила его на кушетку, приподняв изголовье, чтобы он мог хорошо видеть ее движения. Затем она задернула шторы, в комнате стало темно, только яркий луч из неизвестного источника освещал ряд шариков висящих в ряд на подвесе. Доктор оттянула боковой шарик и отпустила его. Шарик стукнулся о ряд других, заставив отпрыгнуть крайний шарик с противоположной стороны.

Тук-тук. Тук-тук.

– Через несколько минут вы заснёте...

– Вы будете слышать только мой голос...

– Выше желание заснуть усиливается с каждой минутой...

– Вы не в силах сопротивляться желанию заснуть...

– Сейчас я досчитаю до десяти, и вы погрузитесь в сон...

Казалось, он растворяется в пустоте, где нет ничего, кроме отблеска света на полированных боках шариков и звучащего из ниоткуда голоса.

– Раз. Ваши веки тяжелеют...

– Два. Вы слышите только мой голос...

– Три. Желание спать усиливается...

– Четыре. Вы расслаблены...

– Пять. Вы не чувствуете своего тела...

– Шесть. Вы постепенно засыпаете...

– Семь. Засыпаете и засыпаете...

– Восемь. Вы уже не в силах сопротивляться сну...

– Девять. Все глубже и глубже...

– Десять. Вы спите...

Комната с высоким потолком погружена в полумрак. За окном зимний ветер швыряет заряды снега. Побулькивают батареи отопления. В комнате нет никого, кроме него – родители куда-то ушли. Он проснулся и лежит в своей кроватке, оглядывая смутные очертания предметов. Одеяльце сбилось, но он еще не научился его поправлять. Он еще совсем маленький. Деревянный стук – это распахнулась плохо закрытая форточка, в комнату врывается ветер и снег. Ему холодно, он сжимается в кровати и жалобно хнычет.

Темнота возле окна сгущается, из нее проявляется заросшая волосами мордочка с двумя блестящими глазками, а затем и целиком, какое-то существо, почти незаметное в ночной тьме. Сокрушенно покачав головой, существо ловко запрыгивает на подоконник и запирает форточку. Затем, спрыгивает на пол, неслышно подбегает к кроватке и поправляет мальчику одеяло. «Мохнаша...». Удовлетворенно кивнув головой, существо делает шаг назад и исчезает среди теней.

Тук-тук. Тук-тук.

Комната залита ярким весенним солнцем. Он ползает по полу, толкая перед собой деревянный грузовик. Он утыкается в чьи-то ноги и поднимает голову. Папа, такой большой и сильный. Папа смеется, его круглые железные очки весело поблескивают. Мама стоит у двери в комнату и разговаривает с большим бородатым дядей, это сосед. Он улыбается, приглашая маму идти за ним.

– Павлик, поиграй пока один, а мы ненадолго ходим к Николаю Карловичу, – говорит мама, и они с папой выходят из комнаты, закрывая за собой дверь.

Он остается один, но он знает, что если подойти к стенке и прижать к ней ушко, то будет слышно, что там происходит. Он слышит голоса родителей, потом в разговор вступают какие-то другие люди. Они спорят, громко и увлеченно.

– ...как утверждал в своей программной статье наш уважаемый Максим Горький – «Гениальные символы, каковы Прометей, Сатана, Геракл, Святогор, Илья, Микула и сотни других гигантских обобщений жизненного опыта народа»! О чем это говорит нам?

– Простите, какой статье? У нее есть название? – слышен голос папы.

– Она называется «Разрушение личности», и ее легко можно найти в библиотеке! Так вот, это говорит о том, что наступила эпоха создания нового человека. Как произошел из обезьяны человек разумный – так и из современного человека произойдет новый, который в блеске своих свершений затмит дряхлых богов древности! Мы не можем терять времени – будущее зовет нас!

– Вы предлагаете шагнуть за грань человеческих возможностей – но как? Как это сделать?

– А вот это мы с вами сейчас и обсудим. Человек – лишь канат между животным и сверхчеловеком, так говорил еще Ницше...

Он отходит от стенки – как непонятно иногда говорят взрослые! Сейчас он поведет свой грузовик к кубикам и будет строить город...

Тук-тук...

Полумрак кабинета, шарики, вид у доктора растерянно – смущенный.

– Почему она назвала сына Павликом? – с трудом сказал он пересохшим ртом.

Врач встала, отодвинула шторы, и кабинет наполнился мягким вечерним светом.

– Вы знаете, иногда одни воспоминания накладываются на другие, есть даже такой феномен «ложных воспоминаний», – уверенности в голосе не чувствовалось совсем.

– Теперь я просто обязан узнать, чем это кончится.

– Да, конечно, приходите завтра – я до вечера на месте.

Екатерина Константиновна проводила его до дверей и выглянула в коридор – давешний сумасшедший продолжал бубнить, уткнувшись в стену.

– Ну, что за работники пошли! – воскликнула она, – Полдня с проводкой между этажами разобраться не могут! Не электрики – а горе сплошное!

Гремя и содрогаясь на стыках, трамвай вез его по Серпуховскому валу, мимо промышленных корпусов Дубининской улицы и суматохи Павелецкого вокзала. Ожившая память пульсировала в голове роем догадок, невероятных предположений и неожиданных выводов. Получалось, что кто-то нагло и бездушно отнял у него не только родителей, но даже его собственное имя! Отнял все, изменив всю его будущую жизнь! Хотя, что значит – кто? Известно, кто распоряжался миллионами судеб в огромной стране! Но даже у бездушной бюрократической машины есть винтики, а у винтиков есть имя. Он выяснит, он все выяснит, почему у него не осталось никого, кроме бабушки. Бабушка. Он вспомнил добрые морщинки маленькой старушки, так старавшейся вывести в жизнь единственного внука. А вдруг, и бабушка тоже... эту мысль он отогнал и запретил себе к ней возвращаться. Завтра. Завтра он узнает все, и кто во всем виноват – узнает в первую очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.